

КАРЕН БРУТЕНЦ

О старых и новых глобальных проблемах

Общепризнано, что мир ныне сталкивается с совокупностью вызовов — так называемых глобальных проблем, имеющих для человечества экзистенциальный характер и могут быть решены лишь коллективными его усилиями. При этом, как правило, имеют в виду распространение оружия массового уничтожения, терроризм, ограниченность природных ресурсов, ухудшение среды обитания, изменение климата, продовольственную безопасность, пандемии. Между тем за пределами этого привычного списка существуют, на наш взгляд, и некоторые другие глобальные проблемы — не менее важные и неотложные. Речь пойдет об углубляющейся экономической и демографической поляризации человечества, а также о глобальных проблемах новой генерации — состоянии и траектории эволюции демократических институтов, динамике духовных, интеллектуальных качеств человека нынешних дней, его отношении к общественным и личностным связям и т. п.

Мир унаследованных поляризаций: экономический аспект

Постоднополярный мир остается миром унаследованных поляриза-

ций. Прежде всего это *неравенство, подлинная пропасть между богатым меньшинством* (развитые страны, «золотой миллиард») *и бедным большинством* (развивающиеся страны), притом на фоне накопленного в мире громадного материально-технического потенциала¹. К началу первого десятилетия XXI века на наиболее развитые страны с менее чем 12 процентами населения Земли приходилось около 60 процентов мирового ВВП, а на наименее развитые страны с теми же 12 процентами населения — лишь 1 процент мирового ВВП².

Если в начале 1960-х годов средний подушевой доход в двадцати наиболее развитых странах равнялся 11,487 доллара, а в двадцати наименее развитых — 212 долларов, то сорок лет спустя эти цифры были соответственно 32,399 и 207 долларов. В странах Африки южнее Сахары в 1990 году насчитывалось 227 миллионов человек, живущих менее чем на 1 доллар в день, а в 2001 году — 313 миллионов, в 2015-м их, как ожидается, будет уже 340 миллионов³.

¹ «Сочетание громадного материально-технического потенциала с исключительной поляризацией населения планеты — проблема современного мира» (И. Валлерстайн. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 25).

² См. «МЭиМО». 2010. Сентябрь. С. 29.

БРУТЕНЦ Карен Нерсесович — доктор исторических наук.

Ключевые слова: мир, старые глобальные проблемы, противоречия «Север—Юг», демографические проблемы, духовная нравственность, деформация традиционных ценностей.

В целом же, по некоторым оценкам, «несмотря на два столетия экономического роста, более 1 миллиарда человек живут в ужасной нищете»⁴. Активы трех богатейших миллиардеров развитого мира превышают средства 600 миллионов беднейших людей⁵. Среднедушевой доход в США по покупательной способности в 50 раз больше, чем у афганца, и в 100 раз больше, чем у зимбабвийца.

Это глобальная проблема. *Во-первых*, потому что касается сотен миллионов голодающих и миллиардов бедняков и имеет всемирное распространение. Проблема бедности (пусть относительной), как и борьбы с нею, существует, как было показано, и в развитых странах, и процент бедняков в них, как и разрыв в распределении национального дохода, постоянно растет. *Во-вторых*, потому что такая поляризация затрагивает все человечество, обедняя его исторические возможности, его потенциал, фактически выключая сотни миллионов людей из общемировой динамики, экономического, социального, культурного прогресса. *В-третьих*, потому что это фактор, имеющий большой дестабилизирующий заряд и подрывающий устойчивость в огромных районах мира, стимулирующий межэтнические и межконфессиональные конфликты. И *в-четвертых*, потому что глобализация, которая не поставлена в определенные рамки, ведет не к преодолению разрыва в распределении богатства, не к решению проблемы бедности, а, напротив, обостряет ее.

Как известно, ООН, учитывая огромную важность проблемы, на саммите 2000 года приняла программу «Цели развития тысячелетия», где

³ См. **T. Friedman**. *A World's Flat*. N. Y., 2006. P. 399—400.

⁴ «The Economist». 10.03.2012.

⁵ См. «World Bank. Доклад о мировом развитии. 2003».

поставила задачу к 2015 году *вдвое* сократить число нищих и голодающих (с доходом от 1 до 1,25 доллара в день⁶ — всего более 1,4 миллиарда человек). Однако богатые страны, констатировал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун на саммите в сентябре 2010 года, не предоставили на борьбу с бедностью в Азии и Африке⁷ и половины из обещанных 100 миллиардов долларов. Намеченные цели остались недостижимыми. Число бедняков сократилось лишь за счет стран, успешно проходящих через модернизацию, в первую очередь Китая⁸.

Между тем бедность ощущается в отставших странах неизмеримо острее, чем прежде. В наши дни, когда национальная или региональная изолированность преодолена в результате технического переворота в средствах коммуникации, народы могут непосредственно сравнивать свое положение относительно друг друга. Нужно ли доказывать, что это вполне способно взвинчивать социально-политическое напряжение на мировом уровне? Причем в условиях, когда население бедных стран никогда еще не было столь молодым и урбанизированным⁹, а политически — динамичным и легко воспламеняемым. В частности, на Ближнем Востоке молодежь в возрасте до 30 лет сегодня составляет 60—65 процентов населения.

Обостряющуюся поляризацию богатства и нищеты нельзя благодушно растягивать на XXI век или даже на сколько-нибудь отдаленное будущее. Глобальная взаимозависимость тут может дать опасные плоды. Мир, в котором голодает без малого 1 мил-

⁶ Порог бедности, определенный Всемирным банком.

⁷ См. «Коммерсант». 21.09.2010.

⁸ См. «The Economist». 25.09.2010.

⁹ В 2015 году 24 города — и почти все на «Юге» — будут иметь свыше 10 миллионов жителей.

лиард человек, не может быть ни стабильным, ни безопасным.

Проблема глобальной бедности в современных условиях имеет и масштабный этический компонент. Ведь в мире никогда не было столь много бедняков — и это тогда, когда он стал богаче, чем когда-либо, а престиж гуманитарных идей — как никогда велик. В такой ситуации вопрос о мировой бедности становится важным мериллом цивилизованности человечества, тестом на его моральные стандарты. А равно и тестом на гуманистическое содержание западной цивилизации, на подлинное отношение развитых стран к правам человека.

Исторически возникший разрыв между богатой и бедной частями мира, решимость развивающихся стран резко сократить или даже преодолеть существующую дистанцию, достигнуть уровня развитых стран определяют глубочайшее противоречие современной эпохи — возможно, самый острый, самый болезненный вопрос нашего столетия. Перспектива разрешения этого противоречия в любом случае неразрывно связана с судьбой консьюмеризма. Капитализм породил общество потребления, а вернее — сверхпотребления. В нем удовлетворяются (речь, разумеется, идет о богатых и верхней части так называемого среднего класса) не только все необходимые и разумные потребности граждан, но (ради извлечения прибыли) царствует также избыточное и, по сути дела, ненужное потребление¹⁰.

Лихорадочное потребление буквально навязывается с помощью рек-

ламы, модных конкурсов, быстрой смены номенклатуры товаров и т. д. Воспитывается и всячески поощряется «престижное потребление», когда покупают вещи, чтобы «возвыситься» в глазах окружающих, продемонстрировать: «я могу себе это позволить». Фактически подтверждается формула Маркса, согласно которой потребности производятся точно так же, как и продукция. Это порождает по крайней мере три проблемы.

1. Влияние господствующей в обществе потребительской горячки на психологию и интересы людей и, как следствие, непомерное значение приобретения в жизни большей их части, своеобразный «вещизм», который заслоняет все другие интересы¹¹ и становится едва ли не главной жизненной целью и страстью. Гиперболизируя, сегодня можно уподобить население «цивилизационных» стран массе алчущих потребителей, которых превратили в некое орудие для покупок.

2. Огромное, бессмысленное разбазаривание ценных ресурсов и превращение их в конечном счете, как правило, в горы мусора. И возникающее несоответствие между растущими мировыми потребностями, во многом определяемыми буйством потребления, и ограниченными природными ресурсами. Оно ведет к обострению традиционной борьбы за их обладание, чреватой возникновением опасных конфликтных ситуаций, и в связи с этим к формированию новой геополитики (заговорили, например, о геополитике нефти)¹².

¹¹ В то же время видна, хоть и слабая, контрреакция — тяга некоторых групп населения к постматериальным ценностям, акцент на поиски смысла жизни, попытки обрести его через обращение к религии.

¹² Р. Кейган так характеризует нынешнюю ситуацию вокруг энергоисточников: «Международная схватка за энергетические ресурсы становится первостепенной ареной геополитического соревнования» (R. Kagan. *Of Paradise and Power*. N. Y., 2004. P. 79).

¹⁰ Маленький, но типичный пример — состоявшаяся весной 2011 года свадьба внука британской королевы принца Уильяма, которая послужила поводом для предприимчивых дельцов, опиравшихся на шумную и назойливую рекламу: выбросить на рынок всякого рода «сувениры» (майки, рубашки, носки, тарелки, чашки и т. д.) — и заработать на этом десятки миллионов фунтов.

3. Недопотребление, в всяком случае значительно более низкий уровень потребления в развивающихся странах, неотделимое от сверхпотребления в развитых капиталистических странах. На США, например, с 5 процентами населения Земли и 25 процентами мирового производства приходится 40 процентов материального потребления. Американец использует в день более 400 литров воды для питья, приготовления пищи, мытья. «Народы беднейших стран счастливы, если имеют 40 литров»¹³. Беднейший африканец производит 0,1 тонны углекислого газа ежегодно, каждый американец — 20 тонн¹⁴. В то время как в бывшем «третьем мире» миллионы умирают от голода, кое-где значительная часть населения (в США — 30 процентов, в Австралии — 29 процентов) страдает от избыточного веса и ожирения.

Каков же выход из создавшегося положения? Мыслимые пути решения проблемы:

— за счет дальнейшего подъема развивающихся стран и сопутствующего роста жизненного уровня населения (новые государства уже опережают передовые страны по темпам роста потребления). Однако реализация эгалитарных устремлений этих стран невозможна, ибо для этого понадобились бы, по подсчетам ученых, ресурсы четырех таких планет, как Земля;

¹³ F. Zakaria. The Post-American World. N. Y., 2008. P. 30.

¹⁴ Сообщая об этом, журнал «The Economist» добавляет: «Но если бедные будут копировать образец создания богатств, который сделал Европу и Америку богатыми, они будут потреблять столь же много ресурсов, как и американцы, с трагическими последствиями для планеты» («The Economist». 24.10.2009.). Иначе говоря, не посягайте на нынешнюю поляризацию условий жизни различных частей человечества.

— перевод развитых стран на другой тип потребления, отход от консьюмеризма. Хотя и на Западе уже звучат авторитетные высказывания о его развращающем влиянии на экономическую жизнь и духовную экологию общества; население «золотого миллиарда» вряд ли добровольно «затянет пояса», а политический деятель, выступивший с подобной программой, скорее всего будет обречен на оглушительное поражение;

— «смешанный» путь — на базе сотрудничества развитых и развивающихся стран, когда обе стороны соглашаются на некий *modus vivendi*: первые идут на некоторые ограничения, а вторые сокращают свои «аппетиты». Вариант также пока выглядит утопическим;

— существенное расширение возможностей роста потребления через создание новых видов производств благодаря достижениям науки и техники;

Искомый вариант пока не просматривается. Тупик же чреват конфликтом и, возможно, весьма острым.

«Золотой миллиард» оказался в своего рода исторической ловушке. Он не может ни бесконечно благоденствовать над пропастью, отделяющей его от уровня жизни миллиардов в развивающемся мире, ни ликвидировать ее, не поступившись при этом своими благами.

Демографическая поляризация

Все более нездоровый, если не опасный, характер приобретает *демографическая поляризация*. Сначала несколько цифр. В 1900 году на Западе жило 32 процента населения мира,

Таблица 1

Самые многонаселенные страны мира в 2050 году (в миллионах человек, с округлением)

Место в рейтинге в 2050 г. (в 2005 г.)	Страна	Численность населения			
		в 2005 г.	в 2015 г.	в 2025 г.	в 2050 г.
1 (2)	Индия	1103	1260	1395	1593
2 (1)	Китай	1316	1392	1441	1392
3 (3)	США	298	326	350	395
4 (6)	Пакистан	157	193	229	305
5 (4)	Индонезия	223	247	264	285
6 (9)	Нигерия	132	161	190	258
7 (5)	Бразилия	186	209	228	253
8 (8)	Бангладеш	142	168	194	243
9 (23)	Демократическая Республика Конго	58	78	103	177
10 (14)	Эфиопия	77	97	118	170
...					
17 (7)	Россия	143	137	129	112

Источник: Отдел экономических социальных проблем ООН, доклад «World Population Prospects: The 2004 Revision».

в 1970-м — 25 процентов¹⁵. Согласно докладу «Проект 2025» Национального разведывательного совета США, на Запад (США, Канада, Европа, Япония, Австралия, Новая Зеландия) придется менее 3 процентов роста населения с 2009-го по 2025 год¹⁶, а всего к означенному времени там будет проживать примерно 16 процентов человечества.

К тому же Запад накрыло «седым цунами» — его население стремительно стареет. В США, Канаде, в странах Евросоюза от 17 до 22 процентов населения — лица старше 60 лет, к 2050 году это цифра возрастет до 30 процентов¹⁷.

¹⁵ См. «The Foreign Affairs». 2009. November–December. P. 93. Цифры разнятся в зависимости от источников, но расхождения чаще всего не очень велики, и главное — они иллюстрируют одну и ту же тенденцию, притом очень активную.

¹⁶ См. «The 2025 Global Landscape». Wash., 2008. P. 19.

¹⁷ См. **J. A. Gladstone**. The New Population Bomb. — «The Foreign Affairs». 2010. January–February. P. 35.

Видимо, этот процесс старения населения не минует и развивающийся мир; ко времени, когда демографическое «наступление» развивающихся стран подойдет к концу, на них будет приходиться едва ли не львиная доля человечества.

Особенно быстро растет мусульманское население. Если в 1950 году наиболее населенные мусульманские страны — Бангладеш, Египет, Пакистан и Турция — насчитывали в совокупности 242 миллиона человек, то в 2009-м эта цифра возросла уже до 885 миллионов. Ожидается, что к 2050 году к ней добавится еще 475 миллионов человек¹⁸. Согласно данным Pew Research Center (Вашингтон), на исходе первого десятилетия XXI века в мире насчитывалось 1,57 миллиарда мусульман, или около 23 процентов глобального населения¹⁹. За

¹⁸ См. *ibid.* P. 37.

¹⁹ См. «The Economist». 16.10.2009.

2011—2030 годы их число возрастет до 2,2 миллиарда человек, и они составят 26,4 процента человечества.

Демографический ландшафт меняется и эмиграционный поток, идущий из развивающихся стран на Запад. Западная Европа уже сейчас является домом для 35 миллионов граждан иностранного происхождения, причем многие из них — из стран с мусульманским большинством. К началу 2011 года они составляли 6 процентов населения европейских стран. А к 2030 году этот показатель возрастет до 8 процентов. Мечети уже высятся в городах, традиционно связанных с воинствующим католицизмом (Вена, Лиссабон), не говоря уже о Великобритании, Франции, ФРГ.

Что же стоит за всеми приведенными цифрами? Демографическая траектория отражает *во-первых*, превращение североамериканцев и европейцев во все убывающее меньшинство с соответствующими последствиями и перспективами в смысле политического влияния, экономического потенциала, соотношения сил на мировой арене. Прогнозируется, что 80 процентов роста мирового ВВП в 2003—2050 годах произойдет за пределами Соединенных Штатов, Евросоюза и Канады, и в 2050 году на них придется менее 30 процентов мирового ВВП.

Во-вторых, возрастание роли и мощи Востока: 97 процентов предполагаемого роста числа земель в ближайшие двадцать лет придется на развивающиеся страны. Быстрое увеличение численности населения — в первую очередь в странах и районах, где модернизация идет вяло или вовсе заморожена, — может вести к опасной неустойчивости, серьезным конфликтам, вспышкам экстремизма.

В-третьих, резкое увеличение веса мусульманского населения планеты. Если сложные отношения му-

сульманского мира с Западом не будут оздоровлены в ближайшие годы, это тоже может послужить источником серьезной нестабильности и конфликтов, экстремизма и терроризма. Отношения с мусульманскими диаспорами, очевидно, будут все более чувствительной проблемой западно-европейской политической сцены, особенно если провозглашенный некоторыми европейскими лидерами (например, ФРГ и Францией) отказ от мультикультурализма станет официальной политикой. Впрочем, известное смягчающее влияние может иметь то, что в мусульманском мире явственно дает о себе знать и модернизационная тенденция.

В-четвертых, порожденную бедностью и бурным ростом населения иммиграционную волну, бьющую в стены, которыми пытается себя оградить «золотой миллиард» — охраняя свои материальные и иные привилегии, а также оберегая свой образ жизни. Эта волна, надо думать, усилится, порождая политические, культурные и демографические проблемы в странах-реципиентах. Диаспоры из развивающихся стран, особенно мусульманские, чаще всего сохраняют связи с родиной и держатся более или менее обособленными группами²⁰. Это, конечно, обеспечивает странам Запада некоторый дополнительный канал влияния на соответствующие страны, но в не меньшей, если не большей, степени служит преимуществом для последних.

В-пятых, прогрессирующее уменьшение европейской — а в перспективе и североамериканской — части рода людского и фактическое ее замещение представителями других географических зон планеты, что

²⁰ Ежегодная общая сумма переводов эмигрантов на родину достигнет 500 миллиардов долларов, что сопоставимо, например, с 3 процентами ВВП Индии.

равносильно вступлению на путь ограничения многообразия человечества, которое служит незаменимой движущей силой его развития. При всем уважении к уроженцам Азии и Африки не хотелось бы, чтобы человечество имело главным образом африканское и азиатское «лицо». Оно должно оставаться многоликим.

В-шестых, все большую важность, которую во всемирной демографической траектории нынешнего века будет приобретать фактор старения человечества. Он уже создает серьезные экономические, политические и поведенческие проблемы и во многом изменит стиль жизни.

Кризис представительной демократии

Частью кризиса современного капитализма является кризис (а по существу — вырождение) представительной демократии в странах Запада. Он ведет к выхолащиванию самой сути общественного содержания как демократии, так и политики в целом. Вот как оценивает политические процессы в Соединенных Штатах один из видных американских политологов Ф. Закария: «Американская политическая система захвачена деньгами, особыми интересами, сенсационными медиа и атакующими идеологическими группами. Результат — бесконечные злобные дебаты относительно тривиальных вопросов — политика как театр, и очень мало содержания»²¹.

Собственно кризис, о котором идет речь, обусловлен, можно сказать, изначально самой природой капитализма, поскольку между его механизмом, отдающим деньги и власть узкому кругу людей, и демократией существует имманентное противоречие. Он ведет к управленческому обмелению политики, сведению ее

Собственно кризис, о котором идет речь, обусловлен, можно сказать, изначально самой природой капитализма, поскольку между его механизмом, отдающим деньги и власть узкому кругу людей, и демократией существует имманентное противоречие.

к менеджменту, нередко «черному», к мелким будничным вопросам, не предполагающим никаких серьезных общественных изменений.

Надо сказать и о том (эта тема обычно не фигурирует), что кризисные явления в демократии связаны во многом с развитием рыночной экономики. Рынок — по крайней мере в его существующей ныне версии, — фактически опирающийся на социал-дарвинистские принципы и превращающий деньги в высший общественный измеритель, находится в глубоком и сущностном противоречии с эгалитарными началами демократии.

Одновременно происходит «голливудизация политики»²², превращение ее в своего рода вид шоу-бизнеса с оглушающими предвыборными выступлениями кандидатов — фактически театрализованными пред-

²¹ F. Zakaria. The Post-American World. P. 212.

²² См. H. Vedrin. History Strike Back. N. Y., 2008. P. 13.

ставлениями. Причем состязаются в предвыборной борьбе прежде всего не столько взгляды и программы кандидатов, сколько их кошелек²³, а также приемы так называемых политтехнологов. В конечном счете почти все решают деньги, причем деньги большие, и в центре внимания прессы и общественного мнения при оценке перспектив кандидатов находятся их финансовые возможности. В президентской кампании 2008 года кандидаты потратили около 4 миллиардов долларов, и она стала самой дорогой в истории США²⁴. Уже к апрелю 2012 года, то есть еще прежде, чем избирательная кампания развернулась в полную силу, 40 миллиардеров вложили крупные суммы в фонды Обамы и Ромни²⁵. Американская пресса отмечает «растущую роль денег корпораций в политических кампаниях».

Демократия открыта также для манипулирования средствами и путями, которые принесла с собой информационная революция. В этом смысле о многом говорит, например, рождение такой «науки» и профессии, как политтехнология и политтехнологи, специализирующиеся на рекламных методах и формах «завоевания» избирателей (нередко включающих прямой обман и «черный» пиар) *независимо от характера программы*, разного рода фокусах и имитации ожесточенной предвыборной борьбы. Демократия деформируется в машину голосования, заправленную деньгами, в набор избирательных процедур и технологий.

²³ Видимо, чтобы дополнительно стимулировать этот процесс, Верховный суд США недавно отменил существовавшие ранее ограничения в отношении денежных взносов в избирательную кампанию.

²⁴ См. «Коммерсант». 26.10.2010.

²⁵ См. «The Financial Times». 31.03—01.04.2012.

«Опущенные» — односторонней, преимущественно развлекательной и сенсационной по своему характеру и подаче, информацией, которая обрушивается на них ежедневно и ежечасно, и чаще всего не имеющие (в отличие от значительной части прежних поколений) четких мировоззренческих ориентиров, знаний о политике избиратели являются благодатным материалом для хитроумных политтехнологов. По сути дела, они превращаются в своего рода политически консьюмеризированные пешки, вовлеченные в политический рынок.

Особую роль играют действующие в этом ракурсе и подгоняемые денежными впрыскиваниями кандидатов средства массовой информации с их огромными возможностями воздействия. Главная цель их работы — не информирование, а формирование общественного мнения в нужном для сильных мира направлении. Сконцентрированные в руках частных владельцев, людей с крупными состояниями, связанных с властным истеблишментом, они тиражируют, навязывают миллионам потенциальных избирателей взгляды узких групп или даже конкретного собственника — лиц, никогда и никем не избиравшихся и ни перед кем не несущих ответственности. По авторитетному мнению И. Валлерстайна, они распространяют информацию «без знания»²⁶.

Бывший американский президент Дж. Картер несколько лет назад в интервью журналу «Newsweek» говорил, что в главных СМИ США «практически отсутствует какое бы то ни было обсуждение, какой бы то ни было глубокий комментарий по поводу важ-

²⁶ См. И. Валлерстайн. После либерализма. М., 2003.

нейших событий». Иллюстрируя свое утверждение на примере израильско-палестинского конфликта, он сказал: «Любой член конгресса, который претендует на переизбрание, не может заявить, что он займет сбалансированную позицию между Израилем и палестинцами или что он будет настаивать на том, чтобы Израиль отвел свои войска на международно признанные границы. Ведь очень маловероятно, что в этом случае он будет переизбран».

Слова Дж. Картера подтверждает известный американский ученый Н. Хомский. Характеризуя работу СМИ в промышленно развитых странах, и в частности в США, он отметил: «Журналисты в США, когда их спрашивают, оказывается ли на них давление или нет, всегда говорят, что никто из них не испытывает никакого давления. И это правда. Только вот если бы они начали выступать против доминирующей в стране идеологической нормы, им бы уже не пришлось писать свои статьи... В тоталитарной стране государство определяет политическую линию, и каждый должен придерживаться ее. В демократических странах политическая линия как таковая никогда не объявляется официально. Она подразумевается. В некотором смысле происходит промывание мозгов в условиях свободы»²⁷. Наконец, вот признания З. Бжезинского: «Чтобы опубликовать мнения, расходящиеся с официальной позицией, приходится преодолевать сопротивление. Тебя то и дело обвиняют в радикализме и антиамериканизме»²⁸.

Власть предрержащие постоянно используют СМИ для настраивания

общественности на удобный для себя лад, а порой опускаясь до ведения подлинной информационной войны против собственных народов. Средства массовой информации играют не менее важную роль, чем оружие, в осуществлении так называемого экспорта демократии, иначе говоря — смены неугодных Западу режимов. Они отгораживают общество от подлинной картины событий, обеспечивают его насыщение односторонней или откровенно лживой информацией.

Яркие примеры антидемократической информационной войны и блокады в отношении собственных граждан были продемонстрированы в дни ливийской операции США и НАТО и в ходе сирийских событий.

Переживают упадок и такие традиционные институты демократии, как политические партии. Собственно, они постепенно перестают быть партиями в прежнем, подлинном смысле этого понятия, вырождаясь параллельно с вырождением самой политики. Партии превратились или превращаются — образец этого демонстрируют США — фактически в машины для проведения избирательной кампании и в конечном счете — завоевания «тепленьких» местечек во власти. И эта цель — главное, что их разделяет; при необходимости, когда речь идет о защите интересов «верхов», они неизменно находят общий язык.

Как правило, во многих странах резко сократилось членство в партиях. Так, число членов Консервативной партии Великобритании сегодня в 17 раз меньше, чем в 1950-е, когда в ней состояло почти 3 миллиона человек. Если же обратиться к суммарной численности трех главных партий Великобритании, то она меньше, чем

²⁷ См. «Советская Россия». 30.12.2010.

²⁸ См. «Россия в глобальной политике». 2008. Т. 6. № 1.

у Королевского общества по защите птиц. Перечисляя причины «постоянной непопулярности» политических партий, журнал «The Economist» называет среди них «слишком консенсуальный характер их политики и несущественную разницу в позициях»²⁹. В США, как известно, действуют две политические партии — Республиканская и Демократическая (обычно быстро исчезающие третьи — это микропартии); а в Великобритании — три: Консервативная, Лейбористская и Либерально-демократическая. Но и там, и там дело на практике приближается к однопартийной системе. Это относится и ко многим другим странам Запада. Иначе говоря, общество лишается права выбора, а выборы проводятся, по существу, без альтернативы.

Комментируя последние президентские выборы в США, французская «Le Monde diplomatique» писала: «Закостенелая система двух партий, которые соревнуются между собой в побряках бизнес-кругам, вновь вынудит миллионы американцев голосовать за нынешнего президента... Как это обычно и происходит в США, им придется в очередной раз делать выбор между большим и меньшим злом»³⁰.

Удивительно ли, что избиратели все менее доверяют правительствам, все равнодушнее относятся к выборам, не без оснований считая, что от их результата мало что зависит, а профессия политика вызывает в обществе скептицизм или даже недоверие. Демократия, как и политика в целом, лишаются основы — активного и заинтересованного участия масс. Так, в Великобритании согласно данным опросов (2009 год) 40 процентов из-

бирателей «почти никогда не верят, что правительство, какое бы оно ни было, поставит на первый план национальные интересы» (в 1987 году такое мнение выразили 11 процентов). И почти 60 процентов заявили, что «почти никогда не верят, будто политики говорят правду».

В США (данные за 2008 год) лишь 9 процентов опрошенных положительно отзывались о конгрессе³¹. Такая же цифра — около 10 процентов — называется и сейчас. «Народное одобрение конгресса, — констатирует известный политолог, профессор Джорджтаунского университета Чарльз Капчейн, — опустилось до исторического минимума»³². Журнал «The Economist» в свою очередь отмечает, что «доверие избирателей находится в катастрофическом состоянии»³³. Об этом же свидетельствуют результаты опроса (2010 год) Pew Research Center: только 19 процентов респондентов считали, что правительство большей частью действует правильно³⁴. В 1964 году, как отмечает Дж. Най, так думали три четверти американцев³⁵.

Законодательные органы в социальном отношении чаще всего мало представительны, в них доминируют посланцы высших слоев общества. Так, в США конгресс «напичкан» миллионерами, а во Франции лишь

³¹ См. «The Economist». 02.08.2008.

³² «The Foreign Affairs». 2012. January-February.

³³ См. «The Economist». 22.01.2011.

³⁴ См. «The Foreign Affairs». 2011. January-February.

³⁵ «The Foreign Affairs». 2010. November-December. «Американцы теряют доверие к широкому спектру институтов, включая конгресс, Верховный суд, президентство, публичные школы, профсоюзы» («The International Herald Tribune». 11.07.2012). И Б. Обама в ежегодном президентском послании в январе 2011 года обещал «работать, чтобы восстановить доверие народа правительственным институтам».

²⁹ «The Economist». 12.09.2012.

³⁰ См. «Le Monde diplomatique». 2012. Septembre.

7 процентов депутатов принадлежат к группам рабочих и служащих, к обслуживающему персоналу, хотя на них приходится 60 процентов экономически активного населения страны³⁶.

И самое печальное, быть может, то, что «демос», избиратели, по существу, свыклись и смирились с существующим положением, расценивая его как неизбежное и непреодолимое. Глава Всемирной социологической ассоциации Мишель Вьеворка отмечает: «Сегодня во многих странах, включая старые солидные демократии, население устало и разочаровалось в политической жизни, в политических деятелях. Это привело к появлению странного феномена... когда люди смотрят на политическую жизнь в стране, но не интересуются происходящим глубоко и не принимают участия в ней... Сегодня во многих странах люди не испытывают никакого энтузиазма от того, чтобы как граждане принимать участие в политической жизни страны»³⁷.

Частью процесса выхолащивания демократии является упадок профсоюзного движения (лишь отчасти связанный с объективными обстоятельствами), резкое сокращение профсоюзного членства — особенно на частных предприятиях в Великобритании и Соединенных Штатах — и снижение их роли. Мало того, в США предметом дебатов является правомерность существования профсоюзов в государственном секторе. В 2011 году почти во всех штатах губернаторы и другие политики развернули финансируемую бизнесом законодательную атаку, выступив с инициативами, имеющи-

ми целью урезать права трудящихся, в частности упразднить право работников государственных и коммунальных служб на заключение коллективных договоров.

Кризис демократии проявляется и в том, что в обществе нарастает имущественное неравенство, что особенно связано с неолиберальной версией капитализма. А из имущественного неравенства вытекают, в свою очередь, ограничения по части качества жизни, возможностей в сфере образования, здравоохранения и т. д.³⁸ В Великобритании, например, в частных школах учатся лишь 7 процентов британских детей, но на них приходится более 40 процентов принятых в Оксфорд и Кембридж — лучшие высшие учебные заведения страны³⁹. Ссылаясь на разницу между среднестатистическими показателями по естественным наукам в бедных и богатых школьных округах США, Ф. Закария подчеркивает, что «главная проблема американского школьного образования связана с неравенством»⁴⁰.

Размывается базовый миф американского общества, его идеологических устоев о «равенстве возможностей». Газета «The International Herald Tribune» недавно поместила статью с названием, которое говорит само за себя: «Пропасти в возможностях», где рассказывается о том, насколько ограничены возможности детей небогатых родителей по сравнению с их сверстниками из богатых семей⁴¹. Богатые и супербогатые все чаще отго-

³⁸ Наличие бедняцкого «навеса» имеет, думается, и известное стабилизирующее значение — укрощая средний класс возможной перспективой «падения» в эту группу.

³⁹ См. «The Economist». 04.07.2009.

⁴⁰ *Cum. no.*: «The Foreign Affairs». 2008. May—June.

⁴¹ См. «The International Herald Tribune». 17.07.2012.

³⁶ См. «Le Monde diplomatique». 2012. Mars.

³⁷ См. «Эксперт». 2011. № 1.

раживаются от общества, сосредоточиваясь в своего рода сеттльментах, окруженных высокими заборами и бдительными охранниками. Возникает и нечто вроде особой сети их обслуживания. В целом происходит то, что Жак Аттали, один из гуру западной аналитики, советник ряда президентов Франции, назвал «бункеризацией богатых»⁴².

О недуге, поразившем демократию, говорит и беспрецедентное вторжение государства, его силовых структур в частную жизнь граждан — слежка, прослушивание телефонов, массовое заведение досье на людей (в Великобритании их заведено более 4 миллионов, в том числе на треть чернокожих жителей), судебное заключение людей под стражу, другие ограничения гражданских свобод.

Кризисные явления в общепринятой демократической модели — ее все чаще называют теперь лишь процедурной демократией — проявляются, таким образом, и в том, что она развивается в сторону расширения возможностей привилегированных групп контролировать политическую жизнь. Происходит «оскопление» политики, ее превращение в технологический процесс. А совершенствование техники, развитие коммуникационных возможностей, в свою очередь, облегчают концентрацию власти в руках узкого круга людей. Практически в этом же политическом пространстве находятся исследователи, которые возвещают приход эпохи меритократии — общества, где верховенство будет находиться в руках монопольных или привилегированных держателей знаний, транснациональных интеллектуалов.

⁴² J. Attali. Une breve histoire de l'avenir. Paris, 2006. P. 305.

О дисфункции, по крайней мере в современных условиях, классической модели демократии убедительно свидетельствуют также факты из области внешней политики. О какой демократии и каком народовластии можно говорить, если даже такие судьбоносные вопросы, как вопросы войны и мира, то и дело решаются на путях хладнокровного, злонамеренного обмана народа, общества или вопреки их мнению.

Так, иракская авантюра, как известно, была развязана с помощью заведомо лживой кампании о мифическом ядерном оружии Саддама Хусейна, поддержанной послушным истеблишментом и средствами массовой информации. И она затянулась более чем на десятилетие, несмотря на негативное отношение большинства американцев. По такой же кальке развивалась позиция в этом вопросе блэровской Великобритании. Стоит, наверное, напомнить, насколько были соблюдены демократические процедуры и при решении вопроса о ливийской операции. Как сообщала «Le Monde», французский президент принял его единолично, вопреки мнению кабинета министров и не проконсультировавшись с парламентом⁴³. В свою очередь, его американский коллега, имея в виду обойти конгресс, приказал своей группе юристов найти хитроумный путь для обхода закона о полномочиях в условиях военного времени.

Более чем непопулярна — в Соединенных Штатах (6 из 10 американцев выступают против⁴⁴), в Великобри-

⁴³ «Прежде всего, эта операция поражает своей крайней степенью персонализации. Решение о вмешательстве было принято всего одним человеком, Николя Саркози, в то время как его министры и советники, а также коллеги (за исключением Дэвида Кэмерона) не разделяли его энтузиазма». («Le Monde», 05.05.2012).

⁴⁴ См. «Time». 28.03.2012. P. 15.

тании, Германии, Франции и других натовских странах — многолетняя «афганская» операция. Но это, по существу, игнорируется их правительствами и парламентами.

Как бы то ни было, представляется, что пришло время серьезного «ремонта» принятой демократической модели или, скорее, выстраивания какой-то новой, более совершенной и более современной конструкции.

Духовно-нравственные аспекты глобализации

Огромной и все более острой проблемой стало духовно-нравственное здоровье общества. Сегодня в этой области существует огромное противоречие. С одной стороны, нынешнее состояние человеческого общества, противостоящие ему вызовы и угрозы повышают значение морально-этического компонента принимаемых решений — как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических. С другой — во многих странах, прежде всего развитых, складывается в этом смысле тревожное положение — идет размытие его духовного и этического потенциала. К «усыханию» моральных императивов ведут превращение собственного «эго» в чуть ли не абсолют и едва ли не тотальная материализация человеческих желаний. Мир «атакует» американская культура, с ее уродующей людей апологией безбрежного индивидуализма, насилия, беспорядочного секса и ничем не стесненной погони за богатством.

Экстатический, безудержный культ денег⁴⁵, воспевание обогащения и

обогатившихся фактически эстетизируют охоту за ними, добывание их любой ценой, порождая «рыночную нравственность», которая сродни безнравственности. Девальвируются общественные, национальные, семейные ценности. Туда же подталкивают средства массовой информации, которые в свою очередь беспрестанно талдычат: «деньги, деньги, деньги...», настойчиво внедряя идеологию и психологию материального успеха как главного, а то и единственного критерия ценности и престижа людей. Воспеваются не достаток, не достойная жизнь, а именно богатство, роскошь, так называемый гламур — утеха и призвание маргиналов. Бизнес поглощает, даже пожирает жизнь человечества. Сегодня информация, здравоохранение, образование, издательское дело, вся сфера обслуживания, развлечения, культура, наука и даже искусство — все это часть индустрии потребления, все это бизнес, который уродует почти все, к чему прикасается.

Деньги становятся высшим мерилом всего. Опустошающее влияние такой «философии» сказывается на всех сторонах жизни общества. В деньгах, например, измеряется в судах даже моральный ущерб. В присуждении научных премий, в кинематографе, в спорте и разного рода конкурсах на приоритетное место выходят денежные призы, тесня творческие достижения лауреатов и чемпионов. Именно к ним привлечено наибольшее внимание, информация об этом выдвигается на первый план. Например, сообщая об очередной роли известной американской актрисы Джулии Робертс, американская и российская печать, телевидение акцент делали (или даже только об этом и сообщали) на полученном ею 5-миллионном гонораре, творческая же сторона

⁴⁵ «Мы, — замечается в американской прессе, — ныне настолько погружены в идеологию: жадность — это благо, что трудно себе представить, как такая система когда-либо работала» («The New York Times». 05.06.2007).

ее работы была обойдена молчанием. Такая же участь ждала Ди Каприо, в связи с фильмом «Начало». Он удостоился сообщения о том, что получит 50 миллионов долларов⁴⁶. Знаменитая американская певица и композитор Алисия Кейс откровенно говорит: «Америка рассматривает своих знаменитостей как товар». Продолжая ее мысль, коллега певицы Ли Блейк добавляет: «Артисты и знаменитости уже давно считают себя потребительским товаром»⁴⁷.

Денежная истерия, думается, содержит и серьезный антидемократический заряд, она таит весомую угрозу демократическому устройству и функционированию общества.

Мораль активно вымывается и в сфере отношений полов. На фоне всячески раздуваемого культа секса и сексуальности, плотских удовольствий, фактически пропагандируются и для некоторой части населения становятся обыденными беспорядочные, случайные половые связи, по сути — животное спаривание (без любви и вместо любви), процветает порнография. Так, в Великобритании в 2009 году насчитывалось более 2 миллионов свингеров — пар, которые регулярно обмениваются сексуальными партнерами⁴⁸.

В США болезненная «сексуальная зависимость», означающая непрерывную и вышедшую из-под контроля субъекта погоню за сексом со все новыми партнерами, стала, по оценке специалистов-медиков, «национальной эпидемией». Причем это относится ко всем возрастным группам. По выражению специалистов, «дедушек с порно на их компьютерах ловят внуки, а внуки приступают к сексу в 12 лет. Ежедневно примерно

40 миллионов американцев заходят на 4,2 миллиона порнографических веб-сайтов»⁴⁹.

В этом вопросе особенно ясно видно как свобода дегенерирует во вседозволенность, как во имя «свободы» умерщвляется подлинная свобода — в понимании, дарованном человеку разумному⁵⁰. Человека как бы толкают назад к промискуитету, покушаясь на чувство любви, на духовное пространство взаимоотношений полов — одно из качеств, сделавших человека человеком, великое его приобретение на пути возвышения от животного. «Займемся любовью» и недавний вариант «займемся сексом» — эти уже привычные термины своим будничным, равнодушным характером неплохо отражают суть отношений, о которых идет речь, как бы низводя их на технологический уровень. Красноречив и другой, свежерожденный термин — «одноразовые отношения». «Любовная» лексика испытала и вторжение бизнеса — на смену «возлюбленным» пришли «партнеры».

Американский журнал «Time» приводит данные опроса о предпочтениях 6 тысяч женщин в рамках «dating on line». Опрошенные проявили интерес ко многому в мужчинах: сколько зарабатывает, где живет (это тоже говорит о материальном положении. — К. Б.), какова внешность и т. д. И только ни слова о любви. В какой-то мере характерным можно считать и кадр из американского фильма «Найти хорошего парня». Герой говорит девушке, с которой целуется: «Я тебя люблю». Она отвечает: «Это мне не нужно. Давай лучше займемся любовью». Одновременно (и это

⁴⁹ «Newsweek». 05.12.2011.

⁵⁰ Кстати, этот метод — конец свободы во имя свободы — объективно реализуется и в других сферах современной общественной жизни.

⁴⁶ См. «Известия». 23.07.2010.

⁴⁷ «Известия». 16.12.2010.

⁴⁸ См. «Неделя». 17.07.2009.

абсолютно естественно в обществе, где все покупается и продается) секс тоже становится товаром, имеет денежный номинал. В России, например, с телевизионного экрана напоминают женщинам о необходимости сохранять «товарный вид».

Под флагом борьбы против дискриминации сексуальных меньшинств фактически развернута шумная кампания пропаганды и поощрения однополых сексуальных отношений. В них уже вовлечено множество людей, не имеющих для этого физиологических оснований. Это, можно сказать, гомосексуалисты не от природы, а от моды и среды.

Остается добавить, что такого рода сексуальный «прогресс», со своей стороны, подпитывает кризис семьи⁵¹ и, усугубляя демографическую проблему, способствует снижению рождаемости.

Массы — объект масштабной и непрерывной развлекательной кампании (если не сказать давления, прессинга)⁵², пространство, а часто и воздействие которой неуклонно расширяется. Невинная на первый взгляд, на деле она целенаправленно отвлекает людей от политики, от крупных общественных вопросов, настраивает на волну бездуховного мелкотравчатого гедонизма.

Характерные черты развлекательной индустрии, шоу-бизнеса (одно название которой говорит само за

себя), в котором главную роль играет так называемая масс-культура низкого пошиба — нищий культурно-интеллектуальный уровень, равнодушие к нравственным ограничениям. Она, на первый взгляд, «работает» исключительно на развлечение и имеет поверхностно-развлекательный характер, лишь привязывая зрителя к тому или иному виду досуга, тем или иным его «культовым фигурам»⁵³. На самом же деле шоу-бизнес способен оказывать и оказывает более глубокое влияние: формирует или меняет ценностные ориентации, особенно молодежи. Он фактически нацелен на примитивизацию ментальности и сознания его потребителей, стимулирование низменных инстинктов, воспитание бездумного идолопоклонства, превращение людей в бездуховную атомизированную массу. «Унавоживается почва» и для криминальных форм развлечений — наркотиков, торговли сексом и т. д.

К духовно-нравственному обеднению ведет и пропаганда средствами массовой информации социального и интеллектуального элитаризма, безбрежного, равнодушного к общественному благу индивидуализма. Индивидуализма, который не только лишает общество необходимой ему здоровой дозы солидарности и коллективизма, но и очень напоминает бескрайний эгоизм, содействуя ослаблению человеческих связей, пестуя равнодушие к ближнему и вседозволенность.

Возникает феномен, который профессор А. С. Панарин назвал «десоциализацией личности» — она становится склонна как бы дезертировать

⁵¹ В Соединенных Штатах вне брака рождается 29 процентов детей у белых женщин и 72 процента — у афро-американок, в Швеции — 55 процентов, а в Исландии — даже 66 процентов. В странах Запада значительная часть мужчин и женщин сожительствуют вне брака. В странах же Азии, например в Китае, 98 процентов их скреплены брачными отношениями (см. «The Economist», 20.08.2011).

⁵² Индустрия развлечений постепенно выдвигается на место главной отрасли экономики в развитых странах, «потребление» ее продукции и сервиса занимает все большее место в жизни значительной части общества.

⁵³ «Фабрика звезд», формирование вокруг нее целого слоя фанатичных почитателей диктуются, как и все в индустрии развлечений, денежными мотивами. Одновременно это идеологическое орудие, средство парадигмального воздействия на мировоззрение зрителей и слушателей.

из общества со всеми его нормами и обязанностями, тяготами и ответственностью во имя безгранично гедонистского принципа удовольствия. И что особенно важно в реально существующих условиях современного общества — этот процесс сопровождается скукоживанием индивидуальности, вырождается в *безличностный* индивидуализм человека толпы.

Духовно-нравственные явления и процессы, которых мы коснулись, сливаясь и переплетаясь, создают реальную опасность культурного и духовного одичания, нравственно-го растрепания человечества, его интеллектуальной деградации. Причем

удар наносится по тем специфическим чертам человека, которые отличают его как высокоорганизованное существо, поднявшееся над всей остальной природой. Иначе говоря, нам угрожает феномен (процесс), который я бы назвал *обесчеловечиванием* человечества.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что признание глобального характера проблем, о которых шла речь, могло бы привлечь к ним необходимое внимание и сделать эти проблемы объектом активной международной дискуссии, что способствовало бы поиску путей их решения, сегодня далеко не очевидных. ◆